

Вильхельм Сарве
СРЕДИ РУССКОГО НАРОДА
На службе Миссии и Красного Креста
1882-1922
Часть вторая
Стокгольм
Издательство Объединения Миссии Шведской церкви
1928
Перевод со шведского Екатерины Чевкиной

Предисловие

Я испытываю огромную благодарность за тот интерес, который вызвала первая часть моих заметок о шведах, русских и башкирах на Урале, а также о множестве разных народностей, населяющих Кавказ и Транскаспий, и надеюсь, что и вторая часть встретит столь же благосклонный прием.

Настоящая книга посвящена прежде всего событиям и впечатлениям от первой русской революции 1905 года и произошедшего примерно тогда же евангелического прорыва и его удивительной предыстории. Приводимое в этой связи описание русских характеров эпохи последних лет самодержавия показывает немало ужасающих черт русской действительности, но мы встречаем и образы, несущие на челе Господню печать. Мои многолетние наблюдения, сделанные за годы жизни рядом с русскими, заставляют полагать, что среди этого огромного множества людей, твердых в вере в Бога и Святое писание, я нашел ту Россию, которая пребудет вечно.

Последняя часть книги посвящена времени мировой войны. В ней мы коснемся главным образом моей работы как делегата Шведского Красного креста в Сибири и России, а также экспедиции между «красным» и «белым» фронтами к детским колониям на Урале и в Сибири. Разумеется, здесь затронуты лишь разрозненные штрихи и личные впечатления от великой революции 1917 года и большевистской «пролетарской диктатуры».

Через белый и красный фронт

Для поддержки детских колоний в Сибири и на Урале

Вернувшись в Петербург по окончании работы в Перми, я вместе с моими немногими спутниками радовался, что наконец оставлю Рос-

сию и вернусь к себе после изнурительных трудов военных лет. Но однажды я встретил лейтенанта Хеббе из Шведского Красного креста, и он показал мне записку от госпожи Зиновьевой, жены всеильного петербургского диктатора. Она была ведущей фигурой комиссариата здравоохранения. Советские власти обращались к Шведскому, Датскому и Международному Красному кресту с пожеланием, дабы эти организации отправили каждый своего уполномоченного для посещения детских колоний в Сибири и на Урале, где с весны 1918 года находились петербургские дети ради получения лучшего питания, нежели это было возможно в столице. Летом вспыхнула война между белыми и красными. Когда красные оказались оттеснены с востока к самой Волге, дети оказались отрезаны от всякой связи с домом, и никто не мог получить сведений об их судьбе.

Лейтенант Хеббе упомянул, что все эти организации склонны пойти навстречу просьбе советской власти и попросил меня отправиться в эту поездку от имени Шведского Красного Креста. Дело было крайне тонкое, и в течение нескольких минут он получил мое обещание. Однако я выразил желание прежде переговорить об этом деле с генералом Брендстрёмом. Тот поначалу был в сомнениях. Но лейтенант Хеббе заметил, что нейтральный Красный Крест благодаря такой услуге советской власти мог бы рассчитывать на большую уступчивость в том, что касается ходатайства за всех несчастных русских и иностранцев, оказавшихся в тюрьмах Петербурга и Москвы. Тогда генерал согласился, но добавил: «Только не выезжайте, пастор, без охранного письма от Троцкого».

Таким образом решение было принято, и я вышел на организацию, которая непосредственно занималась этим делом, а именно Провинциального комитета Союза земств и городов при Петербургской городской думе. Там я узнал, что мне следует вместе с тремя «делегатами от родителей» навестить 1000 детей из буржуазных семей, детей, которых весной, с малым запасом одежды, отправили в детские колонии и о которых родители более пяти месяцев не имели никаких вестей.

Около 20 сентября мы прибыли в Москву, где оказались вынуждены задержаться на две недели, дабы уладить все формальности для поездки. Моему русскому сопровождающему пришлось заниматься документами для фронта, а я договаривался с делегатами от остальных организаций Красного Креста. Г-н Фрик из Международного КК, в свое время любезно кое в чем нам помог-

ший, полагал, что мне следует собираться в путь в одиночку, а в распоряжении Датского КК не оказалось ни одного свободного делегата.

Илл с. 397 Фотография пропуска через линию фронта

Никакого охранного письма от Троцкого мы не получили. Официально никто не знал, где он. Но московский штаб все же выправил нам пропуска для фронта. Всякий день мы ждали денег и инструкций из Петербурга. Двум из делегатов, дети которых тоже находились в колонии, не терпелось отправиться в дорогу. Третьего было решено послать через Нижний Новгород и Казань за линию фронта в Уфу с партией одежды. Но он так и не сумел осуществить этот план и вернулся в Петербург.

Нас, остальных, перед отъездом вызвали телеграммой в Петербург для окончательных договоренностей. Это позволило нам еще раз коротко проститься с нашими семьями перед возвращением в Москву. Один из моих товарищей, Иван Петрович Пшевоцкий [на самом деле Пржеводский — перев.], был большевиком и работал на одном из петербургских заводов. Ему достало предусмотрительности прежде, нежели мы пустились в дорогу, устроить безопасно свою жену и двоих детей у нее в доме к югу от Москвы. Перед отъездом из Москвы я получил документ от советского правительства на получение из государственного банка в Москве 100 000 рублей, предназначенных для колоний и на покрытие путевых издержек.

Это длительная остановка в Москве оказалась примечательна. Генеральный консул Аскер любезно позволил мне остановиться в доме, предназначенном для шведских путешественников. Однажды, когда я был приглашен в его уютный и гостеприимный дом, я исполнился самых мрачных опасений касательно положения норвежского консульства. В числе приглашенных было и несколько норвежцев. Здание норвежского консульства, по их словам, было взято под стражу под тем предлогом, что внутри прячутся русские буржуа, объявленных в розыск ЧК. Генеральному консулу Аскеру выпала тяжелая задача быть посредником. Жестокий глава ЧК, Петерс, тогда еще живой, был, как говаривали, сущим зверем. Я понял, что норвежцам в эти критические часы требовалось остаться наедине с генеральным консулом, и потому по окончании трапезы поспешил удалиться. Я не слышал, чем эта ситуация разрешилась, но надеюсь, что смелые норвежцы смогли выбраться из западни. — Генеральный консул снабдил меня

очень ценным рекомендательным письмом от британского генерального консула.

На линии огня

12 октября мы с двумя моими делегатами от родителей сели в Москве на поезд, чтобы доехать до Сызрани на Волге. Нам пришлось долго проталкиваться, пока мы наконец не разместились в вагоне второго класса с выбитыми окнами, украденными дверными ручками и прочими приметамы всеобщей смуты. Припасы у нас с собой имелись крайне скудные, хотя дорога предстояла долгая.

Прежде на больших станциях столы для первого и второго классов бывали накрыты белыми скатертями, цветами и красивыми сервизами и ломились от отменных кушаний. Теперь ничего этого не осталось и в помине. Изредка удавалось разжиться постным жидким супом, однако попытки раздобыть деревянную ложку, чтобы можно было его съесть, оказывались тщетными. Порой нам не доставалось даже любимого нашего чаю. Военные эшелоны пронеслись мимо один за другим, и когда мы наконец добирались до станции, кипятка там уже не было.

Человек, однако же, приспособливается и к самому тяжелому положению. Сколь бы худо оно ни выглядело, мы все же добрались до Волги, откуда продолжили путь на пароходе до Самары. Наш пароход прошел под большим мостом через Волгу, с восточного конца взорванного чехами.

В Самаре мы узнали, что наши фронтовые бумаги подписаны красным главнокомандующим. Я имел счастье повстречать там фру Анну Линдер, которая по-прежнему оставалась на своем посту, помогая военнопленным.

В это время на самарском фронте большевики имели большие успехи. Белые и чешские войска были вынуждены отступить к Уфе и при этом разрушили все железнодорожные мосты на отрезке в 200 километров. Поэтому поездом мы смогли добраться только до Кинеля. Дальше 200 километров пришлось добираться окольными дорогами на лошадях через деревни до большого русско-татарского села Абдуллино. Вдоль железной дороги продолжались бои, шум и грохот которых доносился и до нас. Несколько раз мы натыкались на кучи тяжело изувеченных тел. Стояла уже поздняя осень, шли дожди, и дороги раскисли. К вечеру мы, часто вымокшие до нитки, добрались до какой-нибудь деревни, где отогревались чаем и хлебом. Не-

сколько раз нас угощали супом, картофелем или кашей со сливочным маслом или молоком.

После полудня, уже на подъезде к Абдуллину, мы увидели нескончаемый поток беженцев и кибиток. Белые оставили село, и всякий час ожидались красные. У нашей повозки обломилась деревянная ось и колесо вихляло. Так что наша захромавшая повозка выдерживала только возницу и наш немудрящий скарб. Мы же прочие тащились как могли по глубокой слякоти. Покуда мы таким образом медленно перемещались по бескрайней равнине, мы то и дело слышали сильный орудийный грохот и видели на расстоянии нескольких километров перед собой, как к небу поднимается один столб дыма за другим там, где взрывались гранаты. Канонада стихла под вечер. Когда мы близ Абдуллина достигли большой паровой мельницы, стоявшей у моста, то увидели собравшееся там большое скопление крестьян с возами соломы. Бомбардировка белых имела целью мельницу и мост, но он уцелел. Однако же крестьяне опасались, что мост может быть заминирован. Моему товарищу-большевику Ивану Петровичу хватило отваги пройти по мосту. После чего все мы счастливо по нему перебрались.

Почти стемнело, когда мы добрались, наконец, до Абдуллина. Улицы тонули в глубокой грязи. Впустить нас к себе домой никто не решался. Покуда мы стояли, подавленные и измученные, к нам подошел один любезный русский и сказал: «Пошли ко мне, нельзя же вам вот так оставаться посреди улицы» — Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут.

Теперь мы могли собраться за ночь с силами для новых испытаний. От нашего хозяина мы узнали, что теперь нам предстояло пересечь собственно линию фронта. Прежде чем мы отошли ко сну, он помог нам найти трех татар, которые согласились провезти через линию фронта нас и наши пожитки. Мы даже коротко наметили задачи нашей экспедиции, дабы иметь их под рукой, ежели мы счастливо переберемся и встретим белые войска. Тем временем добрая хозяйка готовила «борщ» (суп из капусты и свеклы) нам на ужин. Это была роскошная трапеза. Нам уже давно не случалось отведать настоящей еды. Усталые, мы проспали до самого утра, словно беззаботные дети.

Выпив поутру предложенного нам чаю, мы сердечно простились с нашими благодетелями. Мои товарищи уселись в повозку одного из татар. В другую погрузились наши пожитки и я сам, вооруженный

шведским настольным флагом на палке. Третий татарин ехал верхом. Так мы и отправились не спеша из Абдуллина тем примечательным утром. Не успели мы одолеть двух или трех километров, как в воздухе засвистали снаряды, взрываясь на большом или малом отдалении от нас и подымая в небо высокие плотные столбы дыма. Одна граната взорвалась прямо возле нас. Отойдя от перепуга, я увидел, что мои товарищи и их возница спрыгнули с телеги и спрятались под нею. Верховой татарин спешил и стоял теперь возле моей телеги. Мы перевели дух; ни единый осколок нас не задел, но татары, судя во их виду, заторопились. Мы с ними немного потолковали. Верховой татарин сел теперь ко мне в повозку. С Божьей помощью мы сумели перейти линию самого страшного огня и заметили первый белый патруль. Тут я поднял над нашими головами маленький шведский флажок. Форпосты пропустили нас беспрепятственно в Яик (небольшой полустанок на железной дороге, ведущей в Уфу).

Один из татар отправился с нашими документами к местному чешскому командиру. Тот визировал их для беспрепятственной езды далее. После чего мы расстались с нашими верными татарами, и я обратился к коменданту станции с просьбой разрешить нам доехать с военным эшелоном до Уфы. На что получил согласие, и русский начальник станции пригласил нас выпить чаю. В два часа пополудни мы разместились в большом бронированном американском грузовом вагоне.

Илл с. 402 Иван Петрович Пшевотский Валерий Альбрехт

Ивану Петровичу — большевику — беседовать с белыми было не о чем, и он сидел молча. Я тоже предался отдыху. Но другой мой товарищ, Альбрехт — «кадет» — почувствовал себя как рыба в воде и принялся обсуждать положение на пермском фронте. «Кто вы такие, чтобы утверждать, что Пермский фронт крепок?» — строго и подозрительно спросил вдруг один из бойцов. В результате болтливости Альбрехта нас задержали как шпионов. На следующей станции нас вывели из поезда, заставили проползти под несколькими военными эшелонами, после чего взяли под стражу. Ночь была холодная, мы изголодались и устали. Час шел за часом, а мы ждали на холоде. В конце концов я потерял терпение. Порой неплохо иметь немного вермландской крови в жилах. Когда я встал и протиснулся в битком набитый зал ожидания третьего класса, охранник угрожающе крикнул «Стоять!», но я продолжил движение и протолкался в зал второго

класса. Тут охранник меня догнал и спросил, чего мне надо. «Позвольте нам выпить тут горячего чаю», — ответил я. — «Посмотрю, что я смогу сделать, если только вы выйдете теперь следом за мной», — ответил он. Однако его командир выпить чаю нам не позволил. Вскоре я потребовал отвести меня к коменданту станции. Ему я предъявил требования, чтобы нас пустили в зал ожидания, и добавил, что я как старый человек и представитель Красного Креста из нейтральной Швеции заслуживаю иного отношения к себе и своим товарищам. «Я должен доставить вас в штаб», — сказал он. Начальник штаба взял все мои документы, изучил их и потом пробормотал едва слышно: «Terér rónjal» (Теперь я понимаю). После чего сказал мне: «Я позабочусь о том, чтобы дать вам в проводники хорошего человека и первым же поездом отправить вас в Уфу». Генерал счел, что мы никакие не шпионы, и мы оказались спасены. Вскоре мы уже сидели вместе с приятными чешскими военными за чаем в зале ожидания второго класса.

— — —
В Уфе все прошло без сучка без задоринки. Чех провел нас по всем штабам и инстанциям. Вечером, пока мы сидели за чаем в гостиничном номере моих товарищей вместе с нашим чехом, все формальности нашей поездки в детские колонии были улажены. Мои русские почувствовали себя в безопасности. Альбрехт предложил, чтобы мы разделились и поехали искать детей каждый по отдельности. Иван Петрович склонялся к тому же. Ему не особенно нравилось иметь постоянно под боком пастора, при всей любезности и полезности этого последнего. В этой связи он высказал что-то презрительное о Боге и делах духовных.

Тут я понял, что настал момент проявить твердость, если я не хочу, чтобы все наши труды пошли прахом. Я поднялся и, ударив рукой по столу, попросил Ивана Петровича оставить в покое Божье имя. Для меня незримый Бог намного реальнее самого Ивана Петровича. Но сейчас нам следует обсудить другие вещи. Затем я напомнил Альбрехту, как его болтовня о фронте навлекла несчастье на всех нас. В Петербурге мы получили ясные инструкции. Если мы теперь разделимся, толком не понимая, где мы и как нам быть, то это станет концом всей экспедиции и нашим с нею вместе.

Затем я удалился в свою комнату, которую делил с чехом. Войдя туда, я почти устыдился, что стучал кулаком по столу, и спросил чеха, бывшего со мной: «Вы, видимо, диву дались, что я за пастор, раз так

себя веду?» — «О нет, — отвечал он. — Я полагаю, положение этого требовало».

Наутро все мы встретились за чаем как ни в чем не бывало, будто накануне вечером ничего и не случилось.

Посещение детских колоний

По первой же возможности мы трое отправились в Челябинск, где мне было поручено обратиться к г-ну Г. Будеску, человеку влиятельному и доброму, много жертвовавшему на детские колонии. По происхождению он был румын. Оттуда наш путь лежал в город Троицк. Первых из детей мы обнаружили в монастыре. Они оказались вполне сытые, однако совсем раздетые. Встреча с детьми была самая трогательная. На устроенном нам приеме присутствовал русский священник. Дети сбились вокруг нас, точно пчелиный рой — разглядывая нас и слушая наши рассказы о родителях в Петербурге. Приветов от родителей они встретили с восторгом. И все удивлялись, что мы сумели перейти фронт.

Товарищам моим предложили переночевать в одной из монастырских келий. Я же остановился в гостинице в городе. Наутро я встретился с ними в монастыре — совершенно бледными, точно после долгой болезни. Вечером их келью протопили, но заслонку закрыли слишком рано. Могучий Иван Петрович едва не потерял сознание, пока выбирался на свежий воздух. Он поднял тревогу, а после сам поспешил в келью, вытащил оттуда бесчувственного Альбрехта на снег и растирал его, покуда тот не пришел в себя. Той ночью я едва не лишился обоих своих товарищей.

В один из вечеров мы должны были нанести визит настоятельнице и поблагодарить ее за заботу о детях. При этом нам предстояло поцеловать ей руку. Иван Петрович как большевик полагал это для себя унижительным, а я как протестант отчасти понимал его возмущение. Впрочем, избежать оказания настоятельнице традиционных знаков почтения мы вряд ли могли. «Сперва поглядим, какова она», — утешал я Ивана Петровича. Когда же мы наконец предстали перед нею, то увидели восьмидесятилетнюю, совершенно седую женщину, исполненную достоинства и с редкого благородства чертами. Без малейшего колебания я почтительно поклонился и поцеловал ей руку. Следом подошел мой большевик. Я заметил, что он поцеловал ей руку еще с большей серьезностью и почтением.

Покуда мы находились в монастыре, нас посетила знатная дама, полька по происхождению. Она явилась, точно добрый ангел. Когда она узнала, что мы с Альбрехтом собираемся посетить колонию в казачьей станице Уйская, где положение детей было крайне тяжелым, она собрала им в дар 5000 рублей.

До Уйской было 120 км санного пути. Детей мы нашли сильно истощенными и донельзя плохо одетыми. Они были покрыты язвами и страдали чесоткой. Казаки, которым пришлось не по душе 94 ребенка из красного Петербурга, не пожелали предоставить им достаточный кров и заботу. Сам атаман станицы оказался очень добрым и брал займы для детей какую мог пищу. Тридцать пять самых младших теснились в двух-трех комнатных. Теперь воспитатели сразу получили огромные деньги — более 10 000 рублей. Какое счастье. Дети были счастливы.

Атаман пообещал созвать в воскресенье станичную сходку. Встреча происходила в съезжем доме. Там собрался целый лес высоких, груботесаных, бородатых стариков. В своей речи я объяснил, что среди ребят есть дети как буржуа, так и большевиков, но что мы не имеем права обижать детей из-за политических взглядов их родителей. После моей краткой речи поднялся атаман и спросил: «Кто готов принять к себе ребенка?». Один казак встал и сказал: «Беру двоих». В течение десяти минут 25 детей получили кров в добрых казачьих семьях. Ни в одном из мест наш приезд не вызывал большей радости, нежели в этой колонии.

Теперь мы поехали в Екатеринбург, где посетили колонию из 20-ти с небольшим еврейских детей. Тут я встретил купца, г-на Чазова, на которого мне в Петербурге также рекомендовали опираться в нашей работе. В Екатеринбурге мы имели счастье повстречаться и с представителем Американского Красного Креста, мистером Сваном, оказавшим нам и детским колониям огромнейшую помощь.

Как-то в Екатеринбурге Иван Петрович признался мне: «В тот вечер в Уфе вы были правы. Подумать только, как хорошо все у нас сложилось с совместной работой. Не знаете, где тут раздобыть Библию? Я бы себе купил». Я посетил мистера Дэвидсона на складе Британского Библейского общества, где еще оставались библии для продажи. Иван Петрович отправился туда и выбрал себе Библию.

О посещении прочих колоний я расскажу коротко, ибо положение было везде примерно одинаковое. В Шадринске мы встретили детей большевиков. Это была одна из колоний, отправленных на Урал

большевистскими властями. Городские власти много сделали для детей, но так как сестра-хозяйка и вожатые (которые были из Петербурга) детей бросили, тем какое-то время приходилось трудно. Мы оказали помощь и им точно так же, как и тем колониям, которые нам надлежало поддерживать.

В Ирбите мы тоже встретили немало детей. У Ивана Петровича там находились обе дочери. Было радостно видеть их встречу. Когда мы распределяли одежду, он очень строго следил, чтобы его девочки не получили самую лучшую, но уступили ее другим. В этом старинном сибирском ярмарочном городе стояли сильные морозы. Половина детей страдало от недоедания. Теперь ситуация исправилась. Ивану Петровичу пришлось остаться с детьми на несколько дней, и я посетил несколько мест в одиночку. Он заметил, однако, что расставание становится все тяжелее с каждым днем, проведенным вместе с дочерьми. Так что он прервал пребывание в Ирбите и дожидался меня в Екатеринбурге.

Илл. с. 409 Группа из детской колонии в Петропавловске

В Тюмени я обнаружил пару сотен детей. Они терпели сильную нужду, но успел вмешаться Американский КК. Там оказался пятнадцатилетний финский швед по фамилии Лукас. Мальчик сочинил пьесу, которую дети поставили, пока я был на месте. Она была неплохо написана, с хорошей моралью, но заканчивалась несколько топорно.

Когда мы уезжали из Тюмени, комендант вокзала попытался найти для нас места в поезде до Омска. Он барабанил в закрытые теплушки одну за другой, но все были забиты до отказа. Наконец мы подошли к очередному вагону. На его стук дверь отодвинулась, и чех крикнул: «Здесь едут ценные вещи». — «Это ничего, мне нужно место для пастора», — ответил комендант, но дверь захлопнулась перед его носом. Тут комендант потерял всякую надежду, но попросил полицейского мне помочь. Тот ухитрился запихнуть меня в одну из теплушек. Я оказался на скамейке в такой тесноте, что едва мог повернуть голову. Было три часа ночи. Силы мои совершенно закончились, и я уснул. Упасть на пол было решительно невозможно.

Я проснулся лишь около восьми утра. Поезд стоял на большой станции. В дверях стоял чех и махал рукой. Я не сразу понял, что машет он мне. «С вещами и за мной», — сказал он. Он подвел меня к другому вагону, и тут оказалось, что это тот самый человек, который ночью так сердито отказал коменданту. В его вагоне ехала полковни-

ца с тремя детьми и еще один солдат-чех. Там я смог отдохнуть как следует, а полковница целый день приглашала меня отведать еды, которую сама готовила на вагонной печке.

— — —
В Омске я надеялся встретить фрекен Эльсу Брендстрём. Генерал Брендстрём просил меня передать дочери привет, а кроме того, у меня была с собой денежная сумма для передачи военнопленным. Из нее я уже оставил 4000 госпоже Линдер в Самаре. Однако встретить фрекен Брендстрём мне не привелось, ибо она находилась в отъезде в другом лагере. У консула Юнгдаля я имел счастье повстречать пастора Х. Неандера, графа Стенбока и еще некоторых шведов, которые продолжали работать с военнопленными. Воспрянув духом после встречи с соотечественниками, поздним вечером я выехал в Петропавловск.

Колонией в Петропавловске заведовали супруги Вознесенские, высокообразованные и необычайно добросердечные. Однажды мы вместе с искренней и энергичной госпожой Вознесенской были в городской думе и у некоторых частных лиц и просили для детей чулок и прочих предметов необходимости. В сборе пожертвований она весьма преуспела.

Илл. с. 411 Детская колония в Петропавловске, после раздачи Красным Крестом шуб и шапок

В этой колонии находились обе девочки Альбрехта. Здесь мы с ним встретились после того как он посетил колонию в Кургане. Теперь он мог проводить время с детьми днями напролет. Порой я задавался вопросом, что будет, когда настанет час расставания. Уезжали мы под вечер. Лошадь уже была запряжена и ждала нас, чтобы отвезти на станцию. Дети подняли ужасный плач. Обе девочки Альбрехта прильнули к отцу, да и прочие были не менее взволнованы, думая о собственных родителях в Петербурге. Заведующая предложила мне устроить молитвенное собрание. Все собрались в большом зале. Дети спели духовный гимн. Так мы воссоединились в молитве. Я говорил о Спасителе как о друге детей и пастыре, и сказал под конец, какую это будет радостью для родителей, когда мы в Петербурге сообщим им, что их дети в колонии здоровы, накормлены, одеты и находятся под надежной опекой и вернутся домой, как только пути откроются. Мы спели еще один духовный гимн и предали себя в руки Божии.

Никогда прежде не видал я подобного преобразования. Встревоженные детские сердца успокоились. Альбрехт уже успел уехать, и теперь все вышли во двор проводить меня и махали руками и передавали приветы в Петербург.

— — —

До Рождества мы посетили все 9 колоний, в общей сложности 1200 детей. На обратном пути мы встретились еще с двумя колониями, с 200 детьми. Из всех детей было около 1000 т. н. детей буржуазии и 400 детей большевиков. В каждой колонии был свой заведующий (у мальчиков) или заведующая (у девочек). Кроме того, имелась сестра-хозяйка, занимавшаяся провизией, а в некоторых колониях — даже учителя и учительницы. Все они прибыли с детьми из Петербурга и сохраняли им верность. Заведующий в Уйской сказал мне: «Погибнем, а детей не бросим». Только в Шадринске руководители изменили своей миссии, возможно, принужденные к тому обстоятельствами. Содержание всех колоний обходилось в 120 000 рублей в месяц. Дети посещали школы на местах сообразно возрасту.

В ходе наших посещений мы участвовали во всем, что касалось детей, и в дальнейшем старались помочь, куда это было возможно. Во всех колониях дети имели возможность написать своим близким о своей жизни и передать приветы. Мы обещали с Божьей помощью доставить письма родителям, если только вернемся домой живыми. Иной раз приходилось нам разбирать случаи непослушания детей и более серьезные проступки. Все кончалось благополучно, но раскаявшиеся дети всякий раз потом просили: «Только маме не говорите!». Мы неизменно шли навстречу этим трогательным мольбам.

Я уже говорил, что некоторые из колоний получили помощь Американского Красного Креста. В ходе нашей работы нам стало ясно невозможность вернуть детей в Петербург, куда бушует гражданская война. Ситуация была бы безнадежной, кабы не невероятная помощь от американцев. После наших первых переговоров в Екатеринбурге с мистером Сваном Американский КК принялся добывать теплые шубы, валенки и т. п. для всех колоний. А теперь Американский КК еще и обязался снабжать детей продуктами в течение полугода или дольше, пока фронт не откроется. Мистер Сван, сам петербуржец, пообещал мне, что лично доставит детей домой, как только путь будет открыт. Заручившись подобным обещанием, мы могли, не переживая

за судьбы детей, начать думать о том, чтобы вернуться домой и успокоить встревоженных родителей.

Побег

Когда зашла речь о возвращении домой, то мистер Томсон, крайне любезный американский консул в Екатеринбурге, предложил мне ехать через Владивосток и Америку — путешествие долгое и дорогое. Но для моих товарищей выправить разрешение ехать тем же путем он не мог. Мне было бы тяжело оставить товарищей в трудном положении и не попытаться как можно скорее принести утешение ожидающим родителям.

Я поехал в Челябинск, надеясь через нашего влиятельного друга Будеску выправить у чехословацкого штаба разрешение снова перейти фронт. Будеску удалось склонить штаб на нашу сторону, и после того как меня подробно расспросили, штаб по телеграфу распорядился, чтобы командующий в Уфе нас пропустил. Но тот категорически отказал нам в разрешении перейти фронт на этом участке. Тогда штаб выправил нам бумагу, по которой мы могли бы ехать через пермский фронт. В ней екатеринбургскому штабу предписывалось всячески содействовать нашему переходу через линию фронта при удобном случае. Эту бумагу я получил как раз под шведское Рождество.

В Екатеринбургском штабе — помещавшемся в том самом доме, в котором всего полгода назад убили царскую семью — поначалу все выглядело многообещающе. Делом занялся чехословацкий отдел: они достали карты и разъяснили мне положение на пермском фронте, а также составили официально письмо. Его отправили начальнику русского штаба, Богослову, но тот ответил отказом. Я видел по чехам (в их отделе в штабе), что они и сами разочарованы отказом Богослова. Не однажды поражался я той предупредительности, которую всякий раз проявляли чехи в моем отношении. Я испытываю известное удовлетворение оттого, что мы за время работы с военнопленными оставили друг у друга лишь добрые воспоминания.

Илл. с. 415 Руководители Белой гвардии

Адмирал Колчак (в центре), генерал Гайда (справа) и начальник штаба Богослов на празднованиях в Екатеринбурге в связи с освобождением Перми от красных (январь 1919).

Вместе с купцом Чазовым как членом пославшей нас организации я вновь направил генералу Богослову прошение о поездке через

фронт. Он вынудил нас прождать две недели, прежде чем повторил свой отказ.

Пока мы ожидали ответа, настало русское Рождество. Мы с Иваном Петровичем почти все время находились вместе в маленькой гостинице. Альбрехт, большой любитель музыки, постоянно уходил на концерты или другие мероприятия. Тот сочельник вместе с моим товарищем-большевиком ни один из нас не забудет. Простые свечи, пыхтящий самовар да белый хлеб, сыр и колбаса — вот и вся была наша рождественская трапеза. Помимо того у нас имелась русская Библия и большая пачка детских писем для рождественских чтений.

Илл. с. 416 Екатеринбург. Дом Игнатьева, где находилась под арестом и была убита царская семья.

У нас был выбор — оставаться в бездействии или на свой страх перебираться через фронт в Петербург. У меня созрел план — отправиться через Челябинск и Урал в Белорецк, а потом вниз по реке Инзер до Уфы. Но этой моей мысли требовалось какое-то подкрепление. Книга «Девиз на каждый день» [«Dagens Lösen»- перев.] была моей духовной опорой в этом путешествии. Я раскрыл ее наугад. Когда я потом заглянул в нее, мой палец уперся в слова «Вот, Я посылаю пред тобою Ангела хранить тебя на пути и ввести тебя в то место, которое Я приготовил» (Ид 23:20).

Я изложил свой план моим товарищам и привел в том числе изречение из Библии. Оба, и в особенности Иван Петрович, были согласны последовать со мною. Пока мы готовились к отъезду, Альбрехт получил печальную весть, что одна из его дочерей в Петропавловске заболела возвратным тифом. Так что он решил остаться в колонии с дочерьми, и в Челябинске мы расстались. Во время посещения Омска я узнал, что брат полковника Николаева — нашего доброго друга во время работы в Перми — находится в Челябинске и занимает высокую должность в местной милиции. Он тоже был полковником русской армии, но во время революционных перипетий оказался на службе у директора Х. Халля в отделении В шведской миссии в Петербурге. Он последовал за директором Халлем в качестве секретаря, когда тот летом 1918 года, наряду с фрекен Брендстрём, графом Г. Стенбоком, г-ном Х. Рейниусом и др. отправился в Сибирь, дабы

оказывать помощь военнопленным, оказавшимся отрезанными гражданской войной.

Илл. с. 417 Место заключения царской семьи в Екатеринбурге

Снимок сделан в июле 2018 года, в то самое время, когда семья была убита

Я надеялся, что Михаил Сергеевич теперь нам поможет ради нашей с ним дружбы. Я выяснил, что он состоит начальником милиции на железнодорожном участке Омск-Уфа, и посетил его в стоящем возле здания вокзала железнодорожном вагоне, служившим ему жилищем. Когда мы с Иваном Петровичем вошли, полковник совершенно онемел от изумления. Как бы не веря глазам своим, он несколько раз обошел вокруг меня и только разглядывал. Наконец он с жаром схватил меня за руку и повел в свое купе, говоря: «Идемте, я хочу перед вами исповедаться». И он поведал обо всех злоключениях, пережитых им с тех пор, как восемь месяцев назад мы виделись в Перми. Следующей была моя очередь исповедаться. Я открыто сказал, что мы собрались бежать в Петербург. Я попросил его проглядеть бывшие при нас письма детей на предмет возможных замечаний к их содержанию. Полковник обещал, что мы сможем отправиться уфимским поездом до Вязовой.

Когда мы с ним снова вышли к Ивану Петровичу, тот принялся вытаскивать паспорт и документы. Полковник жестом велел ему перестать и сказал: «Будь вы один, я бы обыскал вас донага. А теперь мне довольного того, что вы пришли вместе с Василем Карловичем». Он постоял в задумчивости и добавил: «Да, отправляйтесь, вот только мои дети остались одни в голодном Петербурге. Нельзя ли с вами передать коробочку с сыром, маслом, колбасой и сухарями?». Мы пообещали ее взять, а Иван Петрович добавил с горячностью: «Я сам ее понесу, если понадобится, а если все пройдет благополучно, я сам передам ее вашим детям».

Илл. с. 419 Царь Николай с семьей

Благодаря заботам полковника мы добрались поездом до лежащей за 300 км Вязовой. В ее окрестностях мы нашли колонию, примерно в 100 детей из семей большевиков, а когда затем добрались на лошади в Белорецк, то встретили в одной из колоний еще 100 детей. Эти дети получили оставшиеся у нас денежные средства (от 4 до 5 тысяч), а еще удалось договориться, чтобы они получили помощь Американского Красного Креста.

Я снова оказался в Белорецке, где пережил в юности столь памятное время. Я сразу же стал строить план знакомства с этой местностью и решил повидаться с давними друзьями. Здесь жила моя племянница, дочь брата, бывшая замужем за русским строительным подрядчиком, и мы их посетили.

Мой давний друг Михаил Ефимович, социал-революционер, о котором я рассказывал в предыдущей главе, был ныне городским головой [в тексте «бургомистром» — перев.] Верхнеуральска, но когда я был в Белорецке, тоже туда приехал. В Белорецке нам предстояло крайне трудное дело, а именно, получить у начальника бригады документ для поездки к фронту, на триста километров к западу. Прошел не один беспокойный день, прежде чем я собрался с духом и посетил начальника бригады. Для этого визита мне нужна была и человеческая поддержка — на Ивана Петровича тут рассчитывать не приходилось — так что я попросил Михаила Ефимовича пойти со мной. Ему не надо будет ничего говорить, просто сопроводить меня.

Я доложил генералу о нашей работе, показал наши рекомендации и наконец попросил разрешения ехать дальше через Уфимский фронт. Вообще-то в бумаге от чешского штаба говорилось о поездке через Пермский фронт, но к счастью, генерал не спросил меня, почему я не поехал через Пермь, а сказал только: «Каким путем вы бы хотели попасть в Уфу?» Я отвечал, что собирался отправиться вдоль реки Инзер, через село Архангельское. «Да, лучшего пути вы не могли бы и выбрать», — ответил он. Я вспомнил про девиз дня: " ... хранить тебя на пути и ввести тебя в то место, которое я приготовил».

Через несколько минут в руках у меня была бумага с разрешением продолжать путь через белый фронт. Михаил Алексеевич, другой мой друг, который также известен читателю, устроил нам лошадей до железного рудника Инзер. Он попросил кучера подождать там и отвезти нас обратно в Белорецк, если вдруг случится что-то непредвиденное.

Прощание с друзьями и их семьями было поистине душераздирающим. Жизнь человеческая полна смутных и загадочных превратностей. Сам я был теперь беглецом, а над головами моих друзей навис большевицкий карающий меч. Почему? Объяснить это они и сами толком не могли. Ведь они всю жизнь страдали за освобождение русского народа. А теперь каждый миг должны были готовы бежать, если власть возьмут красные. В пору их юности вопрос свободы и братства

казался таким ясным. А ныне они ничего не понимали. Единственное, что им удалось скопить за жизнь, это запас горького опыта. — Не знаю, как сложились далее судьбы моих друзей. Однако твердо надеюсь, что встречу с ними в царствии света.

— — —

Наша поездка в Инзер (200 км) проходила по глубочайшим снегам через высокие горы, покуда мы не разглядели далеко внизу среди холмов замерзшую реку, петлявшую сквозь самый величественный ландшафт, какой только можно себе представить. Летом здесь, по видимому, невероятно красиво. — Мы нашли приют у дьякона. Управляющий рудника, священник и многие другие жители места уже бежали на восток в ожидании большевиков. Начальник бригады был на фронте, так что я нашел в экспедиции лишь его ближайшего человека. От Альбрехта мы пока не имели вестей, и я решил, что он отказался от мысли ехать с нами вместе. Так что я обратился за разрешением на пересечение линии фронта лишь для нас с Иваном Петровичем. Пока мы сидели в экспедиции, чиновник принял телеграмму. Прочтя депешу, он протянул ее мне и спросил: «Что это значит, вас что, больше?» Телеграмма была от Альбрехта. Он просил нас дожждаться его в Инзере. Я рассказал, почему Альбрехт отстал, и что мы подумали, будто он с нами не поедет. Чиновник объяснил, что нам придется дожждаться возвращения начальника бригады, сам он выдать нам такое разрешение не берется. Пока мы дожидались возвращения командующего в Инзере, Альбрехт успел к нам присоединиться.

Когда мы затем посетили начальника бригады, он крайне досконально изучил наши бумаги и списки. В одном из списков он заметил зачеркнутое имя, возле которого другое было вписано карандашом. Это был список детской колонии в Ирбите, которой заведовал г-н П. Спустя какое-то время после нашего посещения он навестил нас в Екатеринбурге. Он собирался вступить в белую армию. Руководство колонией приняла на себя его жена, поэтому он вычеркнул собственное имя и вписал ее. Я разъяснил, что в руководстве колонией произошла перемена, но никак не упомянул того, что заведующий направлялся на фронт, ибо понимал, что это обстоятельство может сильно усложнить наши дела. Иван Петрович счел иначе и сказал: «Р. ушел на белый фронт». — «Какое отношение ваши колонии имеют к фронту? — сурово спросил генерал. — Я вас не выпущу». Затем он вызвал адъютанта и приказал ему отправить какие-то телеграммы.

Сокрушенные, мы вернулись на квартиру. Дьякон беспокойно расхаживал туда-сюда по комнате. Он получил приказ бежать на восток с церковной утварью, как только все уладит с близкими. Он ходил так, бурча себе под нос и время от времени говорил: «Да уж, никуда отсюда не уехать». Дьяконица была совершенно подавлена и расстроена. Она горевала, что должна бросить свой дом на произвол судьбы, взяв с собой единственный кофр. Кто позаботится о бедном маленьком теленке, коровах и козах? Все бежали, не осталось никого, кто купил бы скотину. Она уронила голову на колени и заплакала.

Сильный и бодрый Иван Петрович, сокрушаясь о своем роковом высказывании, заболел от горя. Целый день он лежал на большой печи посреди избы. Ночью мы все трое легли на полу в одной из комнат. Снизу под нами были кошмы, под головами валенки, а сверху тулупы. В ту ночь я не сомкнул глаз и не нашел слов утешения для моего товарища.

На другой день лучше не стало. Альбрехт был довольно спокоен, а Иван Петрович отправился страдать обратно на печь. Оба хотели, чтоб я пошел к полковнику, но я полагал это преждевременным. Спустя еще одну ночь нам стало чуть полегче. Я попросил товарищей попытаться купить нам хлеба. Пока их не было, я имел возможность посидеть в тишине и подумать перед тем, как нам идти к полковнику.

Когда мы пришли к нему домой, оказалось, что полковник успел уйти. Рассчитывать, что у него найдется время заниматься нами в штабе, особенно не приходилось. Мы какое-то время стояли в сугробе, понуриив головы и не зная, что делать. Наконец Иван Петрович сказал: «Все равно пошли туда».

Большая приемная была полна народу. Полковник на минуту вышел. Заметив нас, он попросил минутку подождать. Вскоре нас попросили зайти. На сей раз товарищи мои предоставили вести дело мне одному, а сами стали у дверей. Полковник поднялся и поздоровался со мной. Я был уже готов начать с ним тяжелую борьбу. Но едва я завел речь о несчастных родителях, пребывающий в полном неведении о судьбе своих детей, как полковник меня прервал: «Да, я устрою вам переход через фронт». Теперь был мой черед растеряться. Прежде чем нашлись слова, я заключил рослого полковника в объятия. Он наклонился ко мне, и мы с ним по доброму русскому обычаю поцеловались в губы и в обе щеки.

Чуточку смущенный, я отступил на пару шагов назад и повернулся к моим товарищам у двери. И увидел, как взрослые му-

жики утирают слезы рукавами. Чудесно было видеть Ивана Петровича в таком положении.

Снова у красных

Мы тотчас пустились в дорогу. Ехали мы быстро, поскольку удавалось часто менять лошадей. Окрестности кишели военными. Однажды нам пришлось заночевать у казаков. Здесь мне выдали маленький пропуск, который приведен на странице 427. На последнем отрезке пути, до Кичибея и Узунларова, нас сопровождали 8 казаков вплоть до их передового форпоста. Ехали мы на санях, запряженных парой лошадей. Вдруг из густых лесных зарослей на дорогу вылетел отряд казаков. Наш конвой должен был теперь присоединиться к своим отступающим товарищам, а нам предстояло встретиться с первыми красными патрулями в одиночку. Я снова поднял мой настольный шведский флаг. «Надо поднять белый флаг», — сказали мне товарищи. Я привязал носовой платой к нижнему концу нашего флагштока. «Нет, надо белым флагом кверху!» — возмутились они. — «Друзья мои, шведский флаг не будет развеиваться под носовым платком — это даже не обсуждается», — отвечал я, и им пришлось этим удовлетвориться.

Прошло немного времени, прежде чем нас окружили красные, шедшие разведкой сквозь кустарник и заросли. Днем ранее здесь шли большие бои, но теперь все было спокойно. У нас проверили бумаги, после чего нам следовало отправиться в большевистский штаб в большом селе. Туда мы явились пешком. Штаб строго охранялся, и отовсюду торчали винтовки.

После строго допроса в штабе нам позволили под охраной продолжать путь в Уфу. Дорога на лошадях (70 км) заняла целую ночь. Едва мы встретили патруль, наш конвой выкрикнул пароль: «Мartyры Москвы» [Martyry Moskvу — перев.] (мученики Москвы). Уфа была теперь под властью красных. Мне показалось, что среди их солдат и офицеров было больше дисциплины и серьезности, нежели среди белых. По самому простому красному солдату было видно, что он исполнен рвения к заветной цели и совершенно уверен в победе.

Из Уфы мы добирались домой почти две недели. Иван Петрович обещал мне, что мы сможем ехать вторым классом. Однако это снова оказалась теплушка. Притронуться к провианту, который нам удалось раздобыть в Уфе, мы не смели. Его мы везли домой в Петербург.

Перед самой Москвой я пережил поистине мучительную ночь. Тяготы путешествия исчерпали мои силы. А дрянная еда совершенно испортила желудок. Меня терзали отчаянные желудочные боли. Когда на одной из станций мне понадобилось покинуть теплушку, попутчикам пришлось помогать мне в нее вернуться. Сам я забраться не мог. В конце концов часть пассажиров стала возмущаться, что дверь открыта настежь, поскольку стоял лютый холод. В вагоне не было ни огонька. Люди двигались, как темные тени. Доносящиеся голоса были глухие, шипящие, злобные и полные ненависти. Это было как преддверие Дантова ада. Мне казалось, что второй такой ночи я не переживу. За нашу поездку нам выпало много подобных тяжелых ночей на жгучем морозе, мы замерзали так, что зубы стучали, когда ветер продувал разбитые вагоны. Однажды наш поезд простоял трое суток на запасном пути, ожидая отправления. Стоял почти сорокоградусный мороз, а в вагонах не было печек. Теперь русским людям, а заодно и нам, приходилось куда хуже, чем тем несчастным военнопленным в начале мировой войны.

Илл. с. 427 Временный военный пропуск через «белый» фронт

Гражданская война — самая страшная из войн. Да не постигнет нашу любимую родину, Швецию, такое злосчастье, нельзя играть с огнем. Порой мы с Иваном Петровичем касались в своих беседах бедствий гражданской войны. За время поездки он много навидаться. Однажды он сказал мне: «У меня пропало желание выходить на уличные баррикады. После всего этого я хочу работать в советах только на благо детей».

Когда мы приближались к Москве, Иван Петрович попросил разрешения отъехать чуть южнее, чтобы привезти жену и детей. «Но, — попросил он, — не встречайтесь с родителями, пока я не вернусь через пару дней». Мы пообещали.

В Москве мы с Альбрехтом пробыли недолго. В Петербург мы ехали 3 м классом — для нас это явилось поистине роскошным путешествием! По прибытии в Петербург главной заботой для нас стало спасти нашу провизию на контроле. Мы выложили самые прекрасные документы от Свердлова и московского штаба. Носильщик заметил красный крест у меня на шапке и спросил: «Нести к служебному выходу?». Да, ответили мы. Сами мы тоже вышли оттуда безо всяких трудностей.

Дома! Чудесное слово.

За поездку до Васильевского острова извозчик запросил 150 рублей. Я предложил 100 и ½ кг хлеба. Он страшно обрадовался. Теперь кусок хлеба был ценнее всего.

Я понятия не имел, находится ли моя семья по-прежнему в Петербурге или уже нет. На мой стук дверь открыла моя жена, но увидев меня, она отвернулась и бросилась в комнаты с криком: «Папа приехал!» — «Не может быть!» — услышал я голоса дочерей. — Идите сами поглядите».

Миг спустя меня окружили жена и обе дочери. За все это время мы не получили друг от друга ни единой весточки. Я словно восстал из гроба. Невероятной была наша радость и благодарность Богу.

На другой день после моего возвращения ко мне и правда явился Иван Петрович. Начал он с того, что признался в своем большом личном просчете. «Можете себе представить — когда я приехал домой вместе с семьей, то в моей комнате уже жил один мой товарищ. Все мои вещи были выброшены в ветхий сарай во дворе». Кроме этого, он не сказал ни единого ни. Я тоже ничего не сказал. Мы поняли друг друга без слов.

Вместе с Альбрехтом мы отправились в Комитет Коюза Земств и городов при городской думе. Для них это стало приятным сюрпризом, и они назначили день для встречи с родителями.

На этой встрече, происходившей в большом зале какой-то гимназии, встретились члены союза Земств и городов, родители и опекуны. Мы передали наши доклады и списки. Собравшиеся выразили удовольствие по поводу того, что мы оказали большевистским колониям ту же помощь, что и соземовским. Все бурно радовались нашему счастливому возвращению. Самую большую радость произвели 1400 писем. Многие матери падали без чувств при виде писем от своих деток. Нас беспрестанно благодарили. Это было что-то ошеломительное. Под аплодисменты собравшиеся прокричали «bolsjchoje russkoje spasibo» (большое русское спасибо) мне как представителю Шведского Красного Креста.

Иван Петрович тоже произнес речь в мою честь. Он очень ценил меня, особенно после того, как я ударил перед ним кулаком по столу. «Не ударь в тот раз Сарве кулаком по столу, — признался он как-то при случае, — мы бы никогда не вернулись домой живыми». Самым достопамятным для меня стало то, что Иван Петрович, будучи большевиком, с чувством и убежденностью заключил описание наших

приключений словами: «Но на то была и Господня воля, чтобы мы вернулись домой».

Обратно в Швецию

Мысль уехать прочь из России занимала нас все более. Мы с женой вошли уже в те годы, когда вряд ли стоило встречать очередную зиму в отсутствии дров, света, а главное, еды. Наши дочери, Хильдур и Рут, напротив, хотели остаться и попытаться спасти наше жилище, хотя надежды, что это удастся, было немного.

Однажды нас посетила некая русская дама. На свой запрос в одном из советских комиссариатов о трех своих детях, бывших в одной из детских колоний, она неожиданно получила письма от всех своих детей. Когда она взяла в руки все эти драгоценные письма, то так расчувствовалась, что упала в обморок. Комиссар дал ей мой адрес. «Я все время, — продолжала она, — собиралась зайти и поблагодарить вас, но мешала работа и изнурительный труд ради пропитания. А нынче мне приснилось, что вам надо уехать из города, и я решила тотчас вас навестить». Она была весьма счастлива услышать о детях более подробно.

Когда она покинула наш дом, я подумал: «Ежели дошло до того, что совершенно незнакомым людям снится, будто мне надо покинуть город, должно быть, это воля Божия». Мы тотчас начали готовиться к отъезду. Я отправился в комиссариат социального обеспечения и получил справку о моей работе с детьми большевиков, а также отношение в комиссариат по иностранным делам. Там ко мне также проявили большую любезность и охотно пошли навстречу, и спустя несколько недель из Москвы поступил к нашей большой радости утвердительный ответ на мою просьбу разрешить мне покинуть страну.

В нашей шведской миссии все еще работал секретарь О. Лундберг и еще несколько сотрудников канцелярии, в том числе моя дочь Рут. Г-н Лундберг попросил меня захватить в Швецию курьерскую почту. Я сам присутствовал при том, как прибыла курьерская почта в маленьком саквояже, доставленная русским комиссаром. Содержимое представляло собою некоторое количество корреспонденции от г-на Лундберга, летний плащ, фотоальбом, принадлежавший генералу Брендстрёму, а также конверт с моими официальными документами касательно работы с военнопленными и последней поездки в детские колонии.

Когда мы уезжали, г-н Лундберг оказал нам с женой любезность, позволив добраться до Финляндского вокзала в экипаже миссии. Это был последний раз, когда он служил шведской миссии, а я оказался последним курьером на годы вперед до тех пор, пока не установились дипломатические связи с Советской Россией. В день нашего отъезда 2 июня 1919 года никто из нас не догадывался, чем он станет для всех иностранных представительств в Петербурге.

Наши дочери доехали с нами до финской пограничной станции, а потом вернулись в Петербург. Рут взяла выходной на своей службе в консульстве и потому в тот день туда не пошла. Но вечером к нам домой явилась некая фру Линдхольм и сообщила, что ее дочь, которая также работала в шведской миссии, не вернулась со службы. Несмотря на позднее время, Рут отправилась в миссию, чтобы узнать о судьбе своей товарки. Но заметив при входе красногвардейца, она встревожилась, попыталась повернуть прочь, но ее провели внутрь — и арестовали. В течение всего дня большевики проводили облавы по всем иностранным представительствам. Не только персонал, но все люди, которые по той или иной причине оказались в представительствах, были беспардонно увезены в тюрьму. Перед моим отъездом я обратился к одной пожилой русской даме с просьбой приглядеть за моими дочерьми. Спустя несколько дней она позвонила в консульство и сказала, что хотела бы поговорить с Рут. «Будет лучше, если вы явитесь сюда лично», — ответили ей. Так еще один человек угодил в западню. Ей удалось поговорить с Рут — в тюремном дворе на ежедневной прогулке!

В полном неведении обо всем этом мы с женой прибыли в Териоки, где нас двенадцать дней продержали в карантине, прежде чем мы смогли ехать дальше в Гельсингфорс. Было облегчением вновь оказаться посреди отлаженной жизни.

Когда я впервые попал в Гельсингфорс молодым миссионером — было это в 1882 году — меня и моих товарищей встретил Константин А. Л. Бойе ав Геннэс. Теперь же, когда мы прибыли в столицу свободной Финляндии, на вокзале нам навстречу вышел тот же старый верный друг, облаченный в форму финского щюцкора. Этот горячо верующий, кроткий человек по-прежнему стоял — несмотря на свой 67-летний возраст — в строю лучших сынов своей страны, готовых защитить отечество. Несмотря на мои протесты, он схватил у меня саквояж и повел нас, проворный, как юноша, под гостеприимный кров. Наши

друзья из Миссионерского общества финского альянса устроили нам незабываемый прием. Давно нам не приходилось участвовать в столь воодушевляющей совместной молитве, как в то воскресенье, когда мы прибыли в Гельсингфорс.

Из Советской России мы практически бежали и в Гельсингфорсе оказались совсем без средств, чтобы продолжать свой путь. Благодаря любезному участию шведского министра я смог одолжить денег на билеты на паром. Но наши друзья решили дополнительно подкрепить нашу кассу парой сотен марок, что в те времена было щедрым даром. С первым же паромом мы продолжили путь на родину.

Когда я по возвращении явился в министерство иностранных дел, то узнал о бесчинствах в нашей миссии и о том, что наша дочь Рут наряду с остальными сотрудниками арестована. Господина Лундберга и других задержанных мужчин отправили в Москву, где три месяца держали под арестом, но женский персонал отпустили четыре дня спустя.

Было большим облегчением услышать, что Рут и ее товарки на свободе, однако ужасно было думать о близких и обо всех наших знакомых и друзьях в голодающем и мрачном Петербурге.